

Михалёва Ирина Владимировна

аспирант Института социологии РАН,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономики
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
(филиал в г. Находка)
dom-hors@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РФ И РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация:

Оценивая феномен трансформационных процессов России и Республики Корея, зададимся вопросом: каковы возможности и пределы проведения – и соответственно использования – аналогий применительно к двум типам достаточно различных общественных трансформаций, протекающих в последнее десятилетие в Корее и России, но часто, несмотря на многочисленные и разнообразные различия, объединяемых общим понятием демократизации.

Ключевые слова:

трансформационный процесс, демократизация, либерализация, оппозиция, контрреформы, перевороты, глобализм, консерватизм.

Mikhalyova Irina Vladimirovna

PhD student, Institute of Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Senior Lecturer of the Management
and Economy Department,
Vladivostok State University of Economy
and Service (branch in Nakhodka)
dom-hors@mail.ru

FEATURES OF TRANSFORMATIONAL PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA

The summary:

Estimating a phenomenon of political processes in Russia and the Republic of Korea the author raises a question of what resources and limits, and, respectively, possible uses have analogies between the two different enough social transformations, which have been going for the recent decade in the Republic of Korea and Russia. Despite numerous and various distinctions, these processes are often united by the general concept of democratization.

Keywords:

transformational processes, democratization, liberalization, opposition, counter reforms, revolutions, globalism, conservatism.

Контраст между демократизацией в Республике Корея и России в рамках трансформационного процесса, казалось бы, очевиден. С одной стороны, в Корее – классическая диктатура, опирающаяся на массивную помощь извне (американскую прежде всего) и осуществляющая эффективную авторитарную модернизацию (кстати, в условиях жестокого двухполярного противостояния в общем контексте «холодной войны») [1, с. 4].

Сравнительная методология в политической науке как раз предполагает выявление элементов сходства и различия – в том числе и между различными вариантами авторитарной и посттоталитарной трансформации. Вопрос лишь в том, какие постоянные и переменные факторы выделяются в ходе этого сравнения. В данном случае, как представляется, мы можем выделить как минимум следующие (объективные и субъективные) факторы, которые в той или иной степени работают применительно к Корее и России:

– во-первых, нормативное отношение к демократии как к декларируемому (пусть даже на практике и редко реализуемому) идеалу и цели предполагаемых общественных преобразований;

– во-вторых, связанная с этим растущая массовая притягательность демократических моделей и образцов как результат широких культурных влияний, в том числе под воздействием западной массовой культуры;

– в-третьих, реальное расширение (пусть не последовательное и прерываемое) демократических прав и свобод и экспериментирование с демократическими институтами и процедурами;

– в-четвертых, все четче проявляющаяся в 1990-х гг. экономическая неэффективность авторитаризма как инструмента общественной модернизации (корейская модернизация, кстати говоря, как будто бы дает достаточно интересный – и показательный – пример постепенного истощения авторитарных методов экономического роста) [2, с. 21].

Уже эти обстоятельства позволяют ставить вопрос, по крайней мере, об элементах частичного сходства между различными феноменами современной демократизации (в том числе в Корее и России), пусть и проистекающими из разных источников, но в конечном счете сливающимися в одну демократическую волну. Вместе с тем эти элементы сходства заставляют еще более пристально взглянуть и на различия между ними, поскольку только в сравнении тех и других мы можем рассчитывать на приращение знания об исследуемых процессах.

Сравнению может помочь включение в методологический арсенал анализа (в том числе применительно к сравнению общественно-политических трансформаций в Корее и России) понятия демократического транзита – в отличие от общеприменимого в транзитологии расширительного и как бы одновекторного понятия демократизации [3, с. 11].

В самом деле, расширительное использование понятия демократизации применительно ко всем разновидностям общественных трансформаций, так или иначе связанных с нынешней демократической волной, вряд ли всегда оправданно, особенно если иметь в виду разновекторные практические результаты этих процессов.

Понятие демократического транзита (в отличие от «перехода к демократии», отражающего цель и редко встречающийся конечный результат самого процесса общественной трансформации) может лучше отразить многообразие обстоятельств, особенностей и многовариантность результатов рассматриваемых нами общественных трансформаций.

Еще раз хотелось бы повторить, что демократические транзиты – где бы то ни было – в Корее или России, или где-либо еще – по определению не означают гарантированного перехода к демократии и уж тем более консолидацию демократии. Это – обозначение разнообразных процессов переходов от одного общественного и политического состояния к другому, причем в качестве конечного пункта движения (транзита) отнюдь не обязательно выступает демократия (полиархия) [4, с. 7].

Последнее развитие событий в Корее несколько по-новому ставит вопрос и о последовательности экономических и политических реформ. Сейчас складывается впечатление, что в корейском обществе все шире признается необходимость продвижения экономических реформ – но это невозможно без продолжения политических реформ. Это вообще ставит под вопрос казавшуюся предсказуемой последовательность – вначале авторитарная модернизация, а после – политическая демократизация.

Корейский и российский опыт заставляет пересмотреть и роль культурных факторов, которые, как мы подчеркнули выше, долгое время считались одним из важнейших структурных элементов демократизации.

Конфуцианство и обломки советской культуры (с примесью православия) – далеко не «культура гражданственности», на которой, согласно классической теории, вырастают демократические институты и на которую опирается этнос. Они – демократические институты – могут рождаться как процедуры, избираемые и навязываемые реформаторами. Вот, как представляется, один из важных выводов из сравнительного анализа корейского и российского феноменов демократизации [5, с. 9].

Другое дело, что, для того чтобы эти институты не стали формальными фасадами недемократического правления, для консолидации демократии как раз и важны культурные факторы – формирование и закрепление в национальных культурах элементов де-

мократических норм и ценностей. А вот это требует гораздо большего времени (вплоть до смены поколений), нежели слом авторитарного режима.

Слабые неконсолидированные демократии в Корее и России поражены серьезными и во многом врожденными недугами. Один из главных в обоих случаях – консервативный характер демократического транзита, в результате чего старые правящие группировки сохраняют свое влияние в новом режиме.

Отсюда – их тормозящее и искажающее влияние на ход общественных преобразований. Последнее развитие событий в Корее несколько по-новому ставит вопрос и о последовательности экономических и политических реформ.

Сейчас складывается впечатление, что в корейском обществе все шире признается необходимость продвижения экономических реформ – но это невозможно без продолжения политических реформ. Это вообще ставит под вопрос казавшуюся аксиоматичной последовательность – вначале авторитарная модернизация, а после – политическая демократизация [6, с. 13].

Корейский и российский опыт заставляют пересмотреть и роль культурных факторов, которые, как мы подчеркнули выше, долгое время считались одним из важнейших структурных элементов демократизации.

Прежде всего, как мы уже отмечали, обращают на себя внимание различные отправные точки этих двух разновидностей демократического транзита – с одной стороны, репрессивный военный режим, осуществивший авторитарную модернизацию и породивший социальные силы и коалиции, заинтересованные в либерализации. С другой стороны, посттоталитарный режим, стремящийся найти механизмы самовывживания.

В любом случае для России корейский вариант авторитарной модернизации, создающей предпосылки для демократизации (как не устают говорить некоторые наши российские адепты просвещенного авторитаризма как пути к демократии), совершенно неприемлем. В Корее он опирался на прямое принуждение, невозможное сейчас у нас сейчас, и на трудовые навыки и нормы конфуцианства, также полностью у нас отсутствующие.

Слабые неконсолидированные демократии в Корее и России поражены серьезными и во многом врожденными недугами. Один из главных в обоих случаях – консервативный характер демократического транзита, в результате чего старые правящие группировки сохраняют свое влияние в новом режиме [7, с. 17]. Отсюда – их тормозящее и искажающее влияние на ход общественных преобразований. Теневые, «подковерные» структуры власти мы наблюдаем и там, и здесь. Неразвитость партий – проблема и для Кореи, и для России.

Сравнение корейского и российского опыта вскрывает и особую роль государства в процессе демократического транзита, включая проведение экономических реформ. Государство оказалось здесь важным механизмом запуска рыночных реформ. В России, насколько видно, этого еще не произошло.

Наконец, еще один вывод, вытекающий из сравнительного анализа двух моделей демократического транзита: только легитимное, демократически выстроенное и эффективное государство может получить поддержку населения (даже в случае экономических трудностей).

Учитывая вышесказанное, а также принимая во внимание теоретическое и практическое различие стадий демократического транзита и консолидации демократии в рамках процесса трансформации, автор может, по крайней мере, зафиксировать ряд принципиальных вопросов применительно к сравнению демократических транзитов в Корее и России (что, разумеется, нисколько не препятствует продолжению этого списка) [8, с. 20].

Данные общественного мнения во многих странах, проходивших путь демократического транзита, показывают, что население готово проявлять экономическое терпение, когда верит демократическим институтам государства. В России этого тоже пока что нет.

Однако это такие переходы, которые осуществляются в контексте отмеченных нами выше – и в этом смысле общих – глобальных факторов (напомним: нормативное отношение к демократии и массовая притягательность демократических идеалов, экономическая неэффективность авторитаризма, практическое экспериментирование с демократическими институтами и процедурами, благоприятная для демократизации международная среда и др.).

Ссылки:

1. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. М., 2008.
2. Ли В.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока. М., 2007.
3. Лукашук И.И. Внешняя политика России и международное право. М., 2007.
4. Ванин Ю.В. Корееведение в России: История и современность. М., 2008.
5. Ваисс М. Международные отношения после 1945 года : пер. с франц. М., 2006.
6. Новоселов Г. Под одним флагом (Северная и Южная Корея хотят объединиться // Эксперт. 2009. № 34–35 (сент.).
7. Прозоровский А. Модернизаторский авторитаризм в Индонезии и Южной Кореи // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7.
8. Русецкий Е. Штрихи к политическому портрету новоизбранного президента республики Корея // Власть. 2009. № 3.

References (transliterated):

1. Panarin A.S. Revansh istorii: rossiyskaya strategicheskaya initsiativa v XXI v. M., 2008.
2. Li V.F. Rossiya i Koreya v geopolitike evraziyskogo Vostoka. M., 2007.
3. Lukashuk I.I. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnoe pravo. M., 2007.
4. Vanin Y.V. Koreevedenie v Rossii: Istoriya i sovremennost'. M., 2008.
5. Vaiss M. Mezhdunarodnie otnosheniya posle 1945 goda : transl. from French. M., 2006.
6. Novoselov G. Pod odnim flagom (Severnaya i Yuzhnaya Koreya khotyat ob"edinit'sya // Ekspert. 2009. № 34–35 (Sept.).
7. Prozorovskiy A. Modernizatorskiy avtoritarizm v Indonezii i Yuzhnoy Koree // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya. 2009. № 7.
8. Rusetskiy E. Shtrikhi k politicheskomu portretu novoizbrannogo prezidenta respubliki Koreya // Vlast'. 2009. № 3.